

Протоиерей АЛЕКСАНДР МЕНЬ

НАВСТРЕЧУ ХРИСТУ

СБОРНИК СТАТЕЙ

Александр Мень

Навстречу Христу.

Сборник статей

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=38564656

Навстречу Христу. Сборник статей / Протоиерей Александр Мень:

Жизнь с Богом; Москва; 2009

ISBN 978-6-903612-27-7

Аннотация

Настоящий сборник включает статьи и рецензии, опубликованные в «Журнале Московской патриархии» и «Богословских трудах» 1959–1987 гг.

Содержание

Поэзия св. Григория Богослова	7
Назарет – колыбель христианства	28
На пороге Нового Года	38
Се Аз с вами...	45
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Протоиерей Александр Мень
Навстречу Христу.
Сборник статей

Издательство благодарит Марину Насонову за подготовку текста к настоящему изданию, Юрия Мовчуна за эскиз обложки и Софью Рукову за фотографию.

Редакционная коллегия: *Наталья Григоренко, Павел Мень*

Поэзия св. Григория Богослова

Св. Григорий Богослов и его великие современники – учителя Церкви, борцы за Православие, пастыри, писатели, литургисты, подвижники – оставили великое литературное наследие, ставшее одним из краеугольных камней христианской культуры. Св. Григорий Богослов выделяется еще тем, что явился, наряду со св. Ефремом Сирином, одним из основателей христианской поэзии. Не только его многочисленные стихи, но и большинство проповедей представляют собой высокопоэтические произведения. Общеизвестно, что многие наши рождественские и пасхальные песнопения построены на основе его праздничных речей («Христос рождается», «Воскресения день»).

Св. Григорий Богослов

Дионисий, 1502 г.(Ферапонтов монастырь)

Эпоху, к которой принадлежал св. Григорий, нередко называют «золотым веком христианства». Молодая Церковь, закаленная трехвековой борьбой с язычеством, получила благодаря Миланскому эдикту возможность пользоваться многими льготами и правами. Но здесь был не конец, а начало испытаний. Языческое общество принесло в христианскую среду свои пороки, обычаи, предрассудки. В Церковь стали приходить люди, движимые не столько верой, сколько стремлением угодить императору и общественному мнению. В результате понизился общий духовно-нравственный уровень христианских масс. Именно в такие периоды происходят колебания в сфере догматической, в сфере вероучения. Идеи античных философов и восточных мыслителей не только помогали богословам в уяснении догматических истин, но и стали порождать различные уклонения, выражавшиеся в форме ересей.

Из последних наибольшую роль сыграло арианство. Это учение упрощало, обедняло и искажало самую сущность христианства, фактически отрицая Боговоплощение, то есть новый завет неба и земли, основанный Иисусом Христом, неправильно понимая Троиединство Бога. Вряд ли сам Арий отчетливо сознавал, каково было значение Христа и Его явления на земле; но основная мысль арианства – невозмож-

ность Богочеловечества, то есть реального и живого единства Бога и человека – имела успех потому, что была проще для понимания. Мысль эта жила впоследствии во всех крупных ересьях (несторианстве, монофизитстве, монофелитстве и др.).

Церковь в лице Первого Вселенского Собора (325 г.) бесспорно осудила арианство, и в созданном тогда Символе веры Спаситель был назван «Единосущным» Богу, то есть равным с Ним в Сущности. Это было торжество идеи Боговоплощения.

Но вскоре римские императоры стали поощрять ересь. Православных епископов начали принуждать подписывать арианские символы. Несогласных арестовывали и ссылали. Временами могло казаться, что дело Православия защищали только св. Афанасий Великий и монахи, которые в это время начали селиться в египетских пустынях. Св. Афанасий знал, что истина не зависит от числа приверженцев той или иной стороны. Он смело шел один против всех, отстаивая Православие.

Когда умер св. Афанасий (373 г.), знамя Православия на Востоке перешло в руки св. Василия Великого, архиепископа Кесарии Каппадокийской. Этот святитель все свои силы и разносторонние дарования отдал делу борьбы за единство Церкви и защите ее интересов против ариан. Мечтой св. Василия, по его словам, было «всю Церковь под солнцем собрать воедино». Но этому особенно препятствовали разно-

образные раскольники. И вот на помощь Василию Великому спешит его друг – Григорий Богослов. К сожалению, св. Василий не смог по-настоящему воспользоваться этой помощью. Он поставил св. Григория епископом, что вначале не только не принесло пользы, но привело к печальному недоумению между друзьями. Однако с этого момента св. Григорий вступил на трудное поприще церковно-общественной жизни.

* * *

Св. Григорий был человеком совсем иного склада, чем св. Василий. Он никогда не любил шумных городов и многочисленных собраний, общественная деятельность была чужда ему, с детства полюбившему уединение и науку. И тем более велик его подвиг, что, невзирая на все это, исключительно ради пользы Церкви, он шел на все, вплоть до принятия Константинопольской кафедры.

Св. Григорий всегда чувствовал себя посвященным Богу. Еще мать его дала такой обет перед его рождением. Второе его посвящение произошло под шум морских волн и раскаты грома, когда он плыл на корабле в Грецию, где его ожидал Афинский университет. Почти месяц носила их буря по волнам Средиземного моря.

Земля, море, эфир, омраченное небо —

все слилось в одну ночь.
На удары молний отзывались громы,
плескались канаты
у надутых ветрил,
мачта гнулась, кормило потеряло свою силу,
и ручку руля насильно вырывало из рук,
вода стеною стояла над кораблем
и наполняла его подводную часть.
Смешались плачевные крики корабельных
служителей, начальников, хозяев
корабля, путешественников,
которые все, даже и не знавшие прежде Бога,
единогласно призывали Христа...¹

Для св. Григория то было ужасное испытание. Не смерть пугала его. Его страшило, что он еще не крещен, что «убийственные воды лишат его вод очистительных». И тогда-то св. Григорий обратился с пламенной молитвой к Богу.

«Твой я был прежде, Твой и теперь.
Ты двукратно примешь меня как одно
из дорогих для Тебя достояний, как дар
суши и моря, очищенный материнским
обетом и чрезмерным страхом»².

¹ Творения иже во святых отца нашего Григория Богослова, Архиепископа Константинопольского. В 2 т. СПб: Изд-во Сойкина П.П., б.г. Т.П. С. 353.

² Там же. С. 354.

С такими чувствами и настроениями юноша высадился в Элладе. Здесь ждали его науки, которые он уже начал изучать в Кесарии, Сирии, Александрии. На склоне лет, вспоминая свою юность, св. Григорий писал в стихотворении «О себе самом», что его никогда не привлекали роскошь, почести, семейное счастье.

Одна слава была для меня приятна —
отличаться познаниями,
какие собрали Восток и Запад
и краса Эллады – Афины;
над сим я трудился много и долгое время.
Но все сии познания, повергнув долу,
положил я к стопам Христовым³.

Афинский университет давал своим студентам всестороннее образование. Св. Григорий изучал там не только модную в те времена риторику, но также грамматику, историю, поэзию, геометрию и астрономию. Поэтому во всех своих произведениях он предстает перед нами не только как художник слова или святой, умудренный духовным опытом, но и как человек большой культуры и энциклопедических знаний.

Но самым дорогим приобретением в эти годы св. Григорий считал дружбу с Василием Великим, который тоже проходил в Афинах курс наук. В одной поэме св. Григорий вспоминает:

³ Там же. С. 54.

Василий – великое приобретение
для настоящего века.

С ним вместе мы учились, и жили,
и размышляли.

Если должно похвалиться,
то я составлял с ним чету,
не бесчестную для Эллады.

У нас было все общее,
и одна душа в обоих связывала то,
что разделяли тела.

А что преимущественно нас соединяло,
так это Бог и стремление к совершенству⁴.

Как и следовало ожидать, друзья скоро разочаровались в Афинах. Студенты вели здесь праздный и беспорядочный образ жизни, больше посещая зрелища, нежели академию. Среди них было много язычников, и общее увлечение античностью накладывало сугубо языческий отпечаток на дух города и школы. Среди студентов был и Юлиан, которому суждено было вскоре стать императором и который известен в истории неудачной попыткой возродить языческую религию. За год до его воцарения (361) друзья покинули Афины.

Второй их школой явилась пустыня. Среди суровых Понтийских скал, над пропастью, в которую с угрюмым ревом низвергался водопад, приютилась хижина, которую соору-

⁴ Там же. С. 355.

дил св. Василий. Св. Григорий вскоре прибыл туда. До конца своих дней он считал это время лучшим в жизни. Много трудностей и непривычных тягот пришлось испытать молодым подвижникам, не приспособленным к подобному образу жизни. Но горячая любовь к Богу и юношеский энтузиазм преодолели все препятствия.

Через два года будущие великие отцы вынуждены были расстаться. Св. Григорий вернулся в свой родной город, где был рукоположен в пресвитера. Свою первую проповедь св. Григорий произнес в самый разгар правления императора Юлиана. Св. Григорий выпустил два памфлета против его пагубной политики. Юлиан запрещал в христианских школах преподавание светских наук. «Тогда отдай алфавит финикийцам, а математику египтянам», – писал св. Григорий. Это было провозглашение единства мировой культуры на христианской основе.

Много трудностей ожидало св. Григория, много заманчивого обещала деятельность на церковном поприще. Св. Василий стал активным борцом в Кесарии и своим примером как бы звал друга идти за собой. Но св. Григорию была неизмеримо ближе тишина гор и безмолвная молитва.

Желал бы я стать или легкокрылым голубем,
или ласточкой,
чтобы бежать от человеческой жизни,
или поселиться в какой-нибудь пустыне,
и жить в одном убежище со зверями,

потому что они вернее людей.
Там желал бы я провести свою
однодневную жизнь
без слез, без страха наказаний, без забот;
иметь одно преимущество перед зверями —
ум, который ведаёт Божество
и невещественен.⁵

Жизнь начинает рисоваться св. Григорию с ее самых мрачных сторон. Во многих его стихах звучит мелодия, навеянная гераклитовским «все течет».

Какое преимущество между сгнившими?
Тот же прах, те же кости —
и герой Атрид и нищий Ир,
царь Константин и мой служитель,
и кто злострадал и кто благоденствовал,
у всех нет ничего, кроме гробов⁶.

Настроение, родственное настроению Экклезиаста, было не бесполезно для св. Григория. Оно окончательно решило его судьбу. Из двух путей он выбрал тесный и скорбный путь подвижничества, чтобы тем самым победить зло, которое проклятием тяготеет над миром. Он понимал, что только у ног Христа может найти настоящий покой страждущая

⁵ Там же. С. 77.

⁶ Там же. С. 47.

душа, он чувствовал, что только Спаситель властен остановить бурю противоречий и страдания. Что такое жизнь без Света Божия? Св. Григорий рисует ее образ в стихотворении «Жизнь человеческая».

Эта краткая и многообразная жизнь
есть какое-то колесо,
вертящееся на неподвижной оси,
и хотя представляется
чем-то неподвижным,
однако же не стоит на месте...
Посему ни с чем лучше нельзя сравнить
жизнь,
как с дымом или сновидением,
или полевым цветком⁷.

Но самое замечательное произведение ев. Григория – поэма «О человеческой природе». Здесь тема «свет во тьме светит» достигает своего наилучшего выражения. Св. Григорий сначала бесстрашно опускается в черную мглу пессимизма, а вслед за этим указывает заблудившейся и истомленной душе «Путь, и Истину, и Жизнь».

Вчера, сокрушенный своими скорбями,
сидел я один вдали от людей
в тенистой роще и снедался сердцем.

⁷ Там же. С. 123.

Ветерки жужжали и вместе
с поющими птицами
с древесных ветвей ниспосылали
добрый сон
даже и слишком изнемогшим духом.
А на деревьях, любимцы солнца,
сладкозвучные кузнечики
из музыкальных гортаний оглашали весь лес
своим щебетаньем.
Неподалеку была прохладная вода и,
тихо струясь по увлажненной ею роще,
омывала мои ноги.
Но мною так же сильно, как и прежде,
владела скорбь.
Ничто окружающее не развлекало меня,
Потому что мысль, когда обременена
горестями, нигде не хочет встретить
утешения...
Кто я был? Кто я теперь? И чем буду?
Ни я не знаю, ни тот, кто обильнее меня
мудростию...

Далее ев. Григорий дает самую мрачную картину человеческой жизни, не останавливаясь перед жестокими выражениями и страшными образами. Но в конце концов он побеждает печаль и, обращаясь к своей душе, говорит:

Все ниже Бога. Покорствуй слову.
Не напрасно сотворил меня Бог.

От нашего малодушия такая мысль.
Теперь мрак, а потом дастся разум,
и все уразумеешь...⁸.

Св. Григорий, подобно большинству христианских учителей древности, начиная с апостола Павла, испытал влияние стоической философии. В стоиках св. Григория особенно привлекал своеобразный аскетизм и презрение земных благ. В стихотворении о философской нищете он во многом перекликается с Эпиктетом и другими стоическими писателями.

Ты и в болезни весел,
Роскошествуешь, если только богат,
чувствуешь, правда, зло, но, однако,
есть у тебя и врачевство от болезни.
А другой беден, но воздержан.
И он втрое блажен, потому что нет у него
ни зла,
ни врачевства от зла...⁹.

В поэме о смиренномудрии св. Григорий прямо ссылается на античных философов, в частности киников и стоиков, как на примеры воздержания и самообладания.

При всем этом св. Григорий был далек от стоической гордости и превозношения своими подвигами. Он сумел избе-

⁸ Там же. С. 41.

⁹ Там же. С. 175.

жать того чувства собственного превосходства, которое порой возникает у людей, ведущих углубленно-созерцательный аскетический образ жизни. Он не осуждал тех христиан, которые были неспособны вести такую жизнь и отдавали Церкви свои силы на трудном поприще общественной борьбы. У св. Григория есть по этому поводу следующее четверостишие:

Чему отдашь предпочтение —
деятельной или созерцательной жизни?
В созерцании могут упражняться
совершенные, а в деятельности многие.
Правда, и то и другое хорошо и вожделенно.
Но ты к чему способен, к тому
и простирайся особенно¹⁰.

Эти мудрые слова свидетельствуют о глубоком проникновении св. Григория в законы христианской жизни.

Итак, св. Григорий избрал свой путь. Он решился «жить жизнью, чуждой жизни». Но Бог судил иначе.

* * *

Св. Василий Великий направил своего друга в качестве епископа в Сасимы. Св. Григорий в одной автобиографиче-

¹⁰ Там же. С. 225.

ской поэме так характеризует это место:

Там всегда пыль, стук от повозок,
слезы, рыдания,
собиратели налогов, орудия пытки, цепи;
а жители – чужеземцы и бродяги.
Такова была церковь моя в Сасимах!..¹¹.

Эта обстановка была тяжела для св. Григория. Правда, в новом положении он сумел принести пользу делу св. Василия по собиранию воедино малоазийских церквей. Но в Сасимах он жить не смог и удалился в Назианз, где стал помогать своему отцу – епископу. Вскоре смерть похитила у него обоих родителей и горячо любимого брата Кесария. Через год скончался и св. Василий Великий, в самый разгар своей деятельности, не имея и 50 лет от роду (379 г.), и св. Григорий почувствовал себя совершенно одиноким.

Я один оставлен Тебе единому, Царь царей,
Тебе, державствующему над всеми.
Ты моя величайшая сила!
У меня нет попечительной супруги,
которая избавила бы меня
от неисцельных забот
и своими ласками утешала сетующего.
Не веселят меня милые дети,

¹¹ Там же. С. 359.

при которых ободряется старость.
Не утешают меня ни единокровные,
ни друзья,
Одних похитила жестокая смерть,
Другие, любя благоветрие,
приходят в трепет
при малом волнении, застигающем друга...¹²

И все же ев. Григорий нашел в себе силу принять все испытания с глубоким смирением и упованием на Господа. Постоянно черпал он поддержку в молитве и приносил к подножию креста тяжесть наболевшей души.

Святитель не знал, что в этом же году в его жизни наступит коренной перелом.

В 379 году, впервые за много лет, кончилась безраздельная власть ариан. Восточная империя перешла в руки православного полководца Феодосия, который пожелал, чтобы в Константинополе в противовес арианству была создана Православная Церковь. Нужен был епископ, который бы смог словом и делом положить начало общине в восточной столице. Выбор Феодосия пал на св. Григория. Святитель вспоминает:

Обо мне думали, что зачну нечто
перед Богом,
Как человек, известный жизнью и словом,

¹² Там же. С. 66.

хотя всегда вел я сельскую жизнь.
Меня приглашали многие из пастырей
и из овец,
приглашали быть помощником народу,
защитником слову¹³.

Св. Григорий, прибыв в восточную столицу, начал совершать службу в домовый церкви одного своего родственника. Вскоре все, кто был верен Православию, стали собираться в этой маленькой церкви, и здесь св. Григорий вдохновлял их словом и личным примером. Он стремился показать константинопольцам, что идея Троичности – это вовсе не предмет праздных споров для изощренных диалектиков. Нас поражает у самого святителя особенная, живая любовь к Святой Троице, которая сквозит во всех его произведениях. Анализирующий ум философа сливается у него с благоговением богослова и любовью чистой души. Неуловимо звучат тонкие метафизические ноты в восторженном гимне, который одновременно отличается задушевностью лирического стихотворения:

Дай воспеснословить, дай прославить Тебя,
Нетленного Единодержца, Царя, Владыку!
Тобою песнь, и хвала, и ангельские лики,
и нескончаемые веки;
Тобою сияет солнце, Тобою путь луны

¹³ Там же. С. 363.

и вся красота звезд;
Тобю человек, отличенный честию,
как животное разумное
получил в удел мысль о Божестве.
Ты создал все, Ты каждой вещи
указываешь ее чин
и все объемлешь Своим промыслом.
Ты изрек слово – и совершилось дело.
Ибо слово Твое есть Бог Сын, единосущный
и равночестный Родившему.
Он привел все в устройство,
чтоб над всем царствовать.
А всеобъемлющий Святый Дух Бог
хранит все своим промыслением.
Воспеваю Тебя, живая Троица,
единая и единственно единоначальная,
Естество неизменяемое, безначальное,
Естество неизглаголанной сущности,
Ум, непостижимый в мудрости,
Небесная Держава, непогрешимая,
неподначальная, беспредельная,
Сияние неудобозримое,
но все обзирающее,
От земли и до бездны ни в чем не знающее
для себя глубины!
Будь милостив ко мне, Отец!
Даруй мне, чтобы всегда служил я
сей святыне;
А грехи мои отринь, очистив совесть

от всякого худого помышления.

О том противодействии, которое он встретил со стороны врагов Православия, св. Григорий писал в своей автобиографической поэме: «Город пришел в волнение, восстал против меня, будто бы я вместо единого Бога ввожу многих богов». В это время он произнес свои знаменитые Слова о богословии, которые принесли ему огромную известность и стяжали имя богослова.

Вступление на Константинопольский престол также нашло свое отражение в поэзии св. Григория. В стихотворении, посвященном этому событию, он описывает, как в мрачный, неприветливый зимний день он, смущенный и опечаленный, шествовал в сопровождении солдат к собору, чувствуя на себе неприязненные взгляды толпы, среди которой были еще очень сильны арианские настроения. «Наконец не знаю, как вступил в храм». В соборе было темно. Мрачные тучи висели над городом, и народу казалось, что это знак гнева небесного. Но, когда св. Григорий был облачен в порфиру Византийского патриарха и подошел к решетке, чтобы благословить народ,

...вдруг по Божию велению
сквозь расторгшиеся тучи засияло солнце,
так что все здание, дотоле омраченное,
мгновенно сделалось молниевидным
и в храме все приняло вид древней скинии,

которую прикрывала Божия светлость;
у всех прояснились и лица и сердце¹⁴

Это послужило сигналом к тому, чтобы недоверчивое отношение сменилось подлинным триумфом. Так начался новый этап его служения.

Получив власть, св. Григорий не стал ею злоупотреблять. Напротив, он старался действовать со всяческой кротостию, чтобы показать арианам, в чем настоящая сила христианства. Однако недолго он мог служить Церкви. Начались смущения среди епископов. Был найден предлог, чтобы объявить его незаконным епископом. К этому прибавились различные другие недоразумения, и к концу заседания Вселенского Собора 381 года он понял, что самое лучшее – это удалиться, отказавшись от патриаршей власти.

С тех пор до самой смерти, последовавшей в 389 году, св. Григорий прожил в уединении, которое доставляло ему истинное наслаждение. Но, с другой стороны, были и грустные минуты, когда он думал о человеческой неблагодарности, о скорбях Церкви, о своей судьбе. В эти годы он написал очень много стихотворений, в которых изливал свою скорбь. Но была у него и другая цель. Он хотел дать христианской молодежи поэзию, могущую заменить языческих авторов. Часто, вспоминая светлые дни своей юности, Афины, св. Василия, Понтийскую пустыню и превратности судьбы, он ясно созна-

¹⁴ Там же. С. 379.

вал, как много радости принесло ему служение Христу. Он не жалел о жертвах, которые принес к подножию Распятия.

Диакон А. Мень

ЖМП. 1959. № 3. С. 62–67

Назарет – колыбель христианства

Земные, человеческие масштабы часто совершенно несоизмеримы с Божественными. Мы знаем немало примеров того, как Бог возвышает презираемое и униженное людьми. Среди таких «вознесенных смиренных» особое место занимает маленький городок, затерявшийся среди холмов Галилеи, имя которого Назарет.

Напрасно сомневающиеся говорили недоверчиво: «Из Назарета может ли быть что доброе?» (Ин 1.46). Ни великий Вавилон, ни могучий Рим, ни даже Святой Град Иерусалим не стали тем местом, которое Господь избрал для совершения величайшего события мировой истории. Этим избранником стал тихий и никому не известный Назарет. Здесь смиренная Дева слышала слова ангельского благовестия, здесь совершилось таинство Боговоплощения.

В течение тридцати лет Иисус Христос ходил по его улицам и окрестностям, сидел на его холмах, поднимался по его тропинкам. Здесь трудился Он, и немногие подозревали, что кроется под смиренной наружностью назаретского плотника. Какое место на земле может соперничать с этим благодатным городом?!

С благоговением должен склониться каждый христианин при имени Назарета – этой колыбели христианства, начатка нашего искупления. Каждая деталь его истории и быта, особенно эпохи земной жизни Иисуса Христа, имеет для нас огромное значение. Евангелия почти ничего не говорят о назаретском периоде жизни Господа, и только историко-археологическое исследование проливает слабый луч света на те годы, которые были для Спасителя годами подготовки к служению людям.

* * *

Прошли века, но Назарет, кажется, мало изменился по своему внешнему облику. Сейчас, как и «во время оно», он представляет собой группу неправильно расположенных белых домиков, окруженных виноградниками.

Он находится на гребне довольно высокой горы (около 1200 м над уровнем моря) Гебель эс-Сих, и к нему надо добираться по узким тропинкам.

Городок непосредственно окружен еще более выдающимися возвышенностями, с которых открывается живописный вид: голубой Кармел со своим утесом, Самаринские горы, цепь Гильбоа, овейная трагическими воспоминаниями о Сауле, круглая вершина Фавора, зеленые нивы и маслячные рощи. На этом пейзаже, несомненно, не раз покоился взор Спасителя.

Путешественники в один голос утверждают, что Назарет и его окрестности – прелестнейший из уголков Святой Земли. Это «горная роза», по выражению одних, и «земной рай», по словам других. После выжженных солнцем долин свежий горный воздух и зелень действуют особенно освежающе. Если что и изменилось в Назарете за две тысячи лет, то меньше всего изменениям подверглась природа. Она осталась такой же, как и в те дни, когда была озарена кротким сиянием Сына Божия.

Весной окрестности города превращаются в настоящий сад. Разнообразные цветы самых нежных красок и оттенков покрывают поля. И тогда, когда Господь проходил по назаретским склонам, Его глаза радовали горные розы, лилии и красные анемоны, над которыми порхали бабочки. Спаситель любил цветы, которые Он ставил в пример суетным и многозаботливым душам (Мф 6.28–29). Тихие холмы в весеннее время оглашаются переливчатыми трелями жаворонков и криками пестрых сизоворонок. Далеко разносится воркование горлинки. «Птицы небесные», так же, как и цветы,

были в речах Господа образом души, возложившей все свое упование на Бога и радостно славящей своего Творца за все.

Как много образов в евангельских притчах взято из жизни и природы Назарета, картины которой окружали Иисуса с детства! Здесь и добрый пастух, который с риском для жизни спасает свою овцу, и овцы, которые знают своего пастуха по голосу, и сеятель, разбрасывающий семена по пашне, и листья смоковницы, и колосющиеся посева, и виноградники со спелым виноградом.

Жители Назарета – это простые пастухи и земледельцы, какими были и современники Христа. Они водят по склонам своих коз и овец и собирают урожай с полей, виноградников и садов, где растут масличные, гранатовые и апельсиновые деревья.

* * *

Когда возник Назарет?

Сейчас это установить еще довольно трудно. В Ветхом Завете о нем не упоминается, хотя там есть один город, название которого созвучно с именем Назарет (Ис Нав 19.10). Скорее всего можно предположить, что возник он в позднюю эллинистическую эпоху. Во всяком случае, раскопки 1955 года заставляют думать, что это селение не моложе эпохи Ирода, так как этим временем датируются найденные лампы и светильники.

Молчание источников объясняется главным образом тем, что Назарет – уединенное, скрытое в горах маленькое селение, соединяемое с Ездрилонской долиной единственной узкой дорогой, – не имел никакого экономического и политического значения. Население его было, вероятно, очень немногочисленно и вряд ли превышало по количеству его теперешнее население (10 000 человек).

Жители с незапамятных времен использовали своеобразную рассыпчатость и рыхлость назаретской горы и устраивали в ней цистерны и галереи. По углам некоторых искусственных пещер вделаны кольца, что позволяет предположить, что они использовались в качестве загонов для скота. Жилищами были сложенные из желтоватого камня маленькие домики, которые и поныне являются наиболее характерными строениями во многих городах Востока, в том числе и в Назарете. В одном из таких домиков, вероятно, и жила Пресвятая Дева вместе со Своим нареченным мужем Иосифом.

* * *

Дом, в котором жила Божия Матерь со времени Своего обручения, находился, по свидетельству Евангелия, в Назарете (Лк 1.26). Здесь Она проводила Свои тихие дни в молитве и труде. Отсюда ходила с кувшином к единственному источнику, теперь носящему Ее имя. В этом доме предстал перед Ней ангел с таинственной вестью о Рождаемом Ею, Который наречется Сын Божий; здесь «Слово стало плотью».

Судьба сродников Иисуса Христа тесно связана с Назаретом. Во время войны 66–70 годов большинство христиан покинуло Палестину. Но незначительная часть их, особенно приверженных к старому Закону, осталась, и среди них были и сродники Господа. Назарет оставался совершенно иудейским городом до эпохи императора Константина, когда была построена в нем первая церковь. Но в Назарете всегда оставалась группа христиан. Это были, во-первых, дети «сестер Иисусовых» (Мф 13.56), а также дети Его «братьев» («братьями» и «сестрами» Господа называли детей от первого брака св. Иосифа, а также Его двоюродных братьев и сестер). В частности, Гегезипп у Евсевия сообщает о том, как Домициан вызывал на допрос внуков Иуды, брата Господня, заподозрив этих потомков Давида в стремлении восстановить иудейскую династию. Они были скромными земледельцами, гордившимися своими трудовыми, покрытыми мозолями, руками. Вид этих рук и их бедные одежды, между прочим, спасли им жизнь, убедив Домициана, что такие смиренные труженики-бедняки не могут угрожать его трону.

В III веке, по словам Юлия Африканского (225), существовали назаретские христиане, которых называли «деспосинами» по причине их родства с Господом. А мученик Конон на суде, происходившем в 249 году, заявил: «Я – из На-

зарета, родственник Господа, Которому служу, как служили мои предки».

Таким образом, традиция назаретских христиан – вековая непрерывная традиция, и можно вполне положиться на их указание места дома Благовещения.

* * *

Как известно из евангельского повествования, Святое Семейство по возвращении из Египта поселилось в Назарете. Там, в тихом горном уголке, вдали от опасностей, в скромном домике плотника, протекли первые годы Спасителя. Там Божественный Отрок «преуспевал в премудрости и возрасте и в любви у Бога и человеков» (Лк 2.52). Как и все дети, Он играл на узких улицах городка или ходил по холмам и возвышенностям, окружавшим долину. Возможно, что праведный Иосиф скончался до полного возмужания Иисуса Христа. Ему выпал великий жребий быть хранителем детства и отрочества Искупителя мира, а он был всего лишь бедным плотником неизвестного городка.

Изумление, в которое повергли жителей Назарета и даже братьев Иисуса слухи о Его чудесах и проповеди, есть верный показатель того, что за все тридцать лет, проведенных в Назарете, Господь ни разу не обнаружил там Своей Божественной силы. В сокровенной глубине готовилось великое служение, а для окружающих Иисус был простым плотни-

ком, Который трудился, чтобы прокормить Свою Мать, снабжая жителей городка необходимыми предметами.

По субботам Он приходил, как и все, в синагогу, исполнял все предписания закона и традиции. Господь принял на Себя ветхозаветное бремя, чтобы сделать нас свободными, так же, как Он принял на Себя плоть человеческую, чтобы обожествить нашу природу.

Мы мало задумываемся над этим тридцатилетним периодом жизни Спасителя. А между тем он учит нас той истине, что в самых обыкновенных, будничных условиях можно жить подлинной жизнью в Боге, что человек должен искать пути спасения не где-то далеко, а здесь, на своем жизненном посту, в своем простом, будничном, повседневном деле.

Диакон А. Мень

ЖМП. 1959. № 9. С. 61–64

На пороге Нового Года

Каким незначительным отрезком времени кажется год на фоне многовековой истории человечества! Однако такое впечатление не всегда соответствует действительности. Если в древние времена человечество развивалось медленно, то темп истории все более ускоряется по мере приближения к нашему времени, и в этом смысле XX век представляется нам стремительным потоком событий. В течение последних десятилетий совершились величайшие исторические катаклизмы, и лицо нашего мира изменилось до неузнаваемости. Сейчас без преувеличения можно сказать, что год – это целая эпоха. Поэтому на пороге нового года вполне целесообразно подвести некоторые итоги и бросить взгляд на перспективы будущего.

И Церковь в земном своем бытии также испытывает на себе влияние уплотнения времени, маленькие отрезки которого становятся для нее целыми эпохами. И если мы спросим, под каким знаком развивалась история Церкви последнего времени, то ответ, по-видимому, может быть один – под зна-

ком стремления к взаимопониманию и сближению христиан всего мира. Особенно ясно видно это из того факта, что в настоящее время христианский Запад близко знакомится с христианским Востоком, на который он смотрит с возрастающей симпатией и уважением. Века взаимного отчуждения и недоверия уходят в прошлое, рушатся психологические и иные барьеры, мешавшие христианам говорить так, как подобает братьям.

Грех разделения тяготеет над христианским миром веками, и за это время между церквами образовалась столь глубокая пропасть, что некоторые пессимисты не решаются даже в нее заглядывать. Но подобное отчаяние не может согласоваться с нашей верой в Церковь (Мф 16.17–19). Правда, болезнь зашла слишком далеко, но нет болезни, которую Господь не мог бы исцелить. А для исцеления требуются только горячая вера и стремление искупить исторический грех отцов.

Злая человеческая воля внесла вражду в стадо Христово, и теперь нужно активное содействие доброй воли для торжества братской любви. Особенно важно создать «климат» для взаимопонимания и выяснить причины разделений прошлого и настоящего. Их нельзя сводить к внешним механическим факторам. Сущность разделений заключается в том, что посторонние политические, национальные и прочие нецерковные интересы возобладали над духом христианской любви.

Иисус Христос провозгласил новый закон для человечества – закон братства. В христианстве примирились все противоречия древнего мира. Эллин и иудей, варвар и скиф, раб и свободный, мужчина и женщина – все как дети одного Отца склонились перед крестом Искупителя. У первых христиан, по выражению св. евангелиста Луки, было одно сердце и одна душа. Но постепенно «первая любовь» стала охладевать, и возникли антагонизмы. Запад и Восток стали чуждаться друг друга, превозноситься друг перед другом. Цезаре-папизм и папоцезаризм сыграли здесь решающую роль. Оба эти явления имеют историческое объяснение, но не имеют никакого христианского оправдания. Они есть наследие язычества, тяжким бременем легшее на Церковь и приведшее к греховному отчуждению. Отчуждение превратилось во вражду, проявившуюся в самых разнообразных формах, вплоть до кровопролития. Секуляризация, которая нанесла огромный ущерб Церкви нового времени, есть, по глубоко верным словам митрополита Николая¹⁵, возмездие за грехи исторического христианства.

¹⁵ Митр. Крутицкий и Коломенский Николай (Ярушевич) (31 декабря 1891/13 января 1892, Ковно – 13 декабря 1961, Москва) – первый председатель Отдела внешних церковных сношений Московского Патриархата (с апреля 1946) (*Прим. ред.*)

Николай (Ярушевич), митрополит Крутицкий и Коломенский

Урок не прошел даром, и поэтому в истории Церкви XX век явился поистине веком экуменизма. Восток и Запад идут навстречу друг другу, но уже не как враги, а с протянутой рукой, под знаком мира. В этом благословенном начинании Русской Православной Церкви принадлежит почетное место. Прекрасно понимая, что бесполезно и невозможно «федерировать» церкви с общинами, имеющими существенные догматические различия, она, тем не менее, широко открывает двери гостеприимства для представителей инославного, в частности протестантского, мира. Взаимоознакомление и дружеские контакты создают ту благоприятную атмосферу, которая только и должна быть в отношениях между христианами. Эти связи уже принесли свои плоды. Протестантизм теперь не смотрит на Православие так, как смотрел на него Адольф Гарнак пятьдесят лет назад. Достаточно привести несколько высказываний протестантов, бывших в этом году гостями нашей Церкви, чтобы убедиться в этом.

«В Русской Православной Церкви я вижу подлинную чистоту литургических моментов», – заявил шведский пастор Христофор Классон. Пастор Арне Бугге писал: «Православное богослужение, соединяющее для прославления Господа различные человеческие дары – пение, архитектуру, иконопись и т. д., – является неисчерпаемым сокровищем». «Ва-

ша Церковь, – говорил голландский пастор Гуго ван Дале, – вечно молода».

Подобных высказываний можно привести многие десятки, и, безусловно, такой поворот во взгляде на Православие можно объяснить только знакомством с ним деятелей западного христианства. Православные, в свою очередь, ознакомились с новыми интересными явлениями в протестантском мире, каковым, например, является богословие Карла Барта.

Не менее важны связи Православия со старокатоликами и англиканами. К сожалению, долгое время соображения чисто внешние, нецерковные, вредили налаживанию этих связей, однако теперь атмосфера заметно улучшается, и лучшим пожеланием на будущий год может быть пожелание новых плодотворных контактов с этими христианскими исповеданиями в духе любви и терпимости.

То же самое Русская Православная Церковь желает, как и желала постоянно, Всемирному Совету Церквей. Она «убеждена, – говорит митрополит Николай, – что взаимное познание друг друга в духе христианской любви способно без всяких особых дискуссий устранять многие сомнения и проблемы, разделяющие христиан. Эта цель будет лучше достигнута в общих трудах, направленных на благо людей. Внедрение христианских принципов в человеческие отношения – личные, семейные, общественные, международные, – вот что может и должно являться общехристианским делом, объединяющим христиан. Чтобы практически показать действен-

ность христианства, нам нужно сплотиться на почве защиты мира, защиты справедливости и свободы».

Особое значение приобретают в данный момент взаимоотношения между православными автокефальными церквами. Несмотря на различные условия их существования, они находятся в неразрывном молитвенно-каноническом общении, постоянно созидая свое единомыслие в решении многих общехристианских и общеправославных проблем. Цельный ряд этих проблем должен быть обсужден на Всеправославном совещании, которое, по инициативе Вселенского Патриарха, предполагается созвать в 1960 году на о. Родос.

Придавая огромное значение этому совещанию, Русская Православная Церковь твердо верит, что и весь христианский мир станет на путь единомыслия в делах веры и жизни и тем самым поможет человечеству достичь мира, справедливости и свободы.

ЖМП. 1960. № 1. С. 15–17

Се Аз с вами...

В те светлые дни, полные необычайных явлений, радостных слов и трепетного ожидания, когда апостолы уверились в том, что «Он воскрес», над миром загорелась новая заря. Смерть, беспощадно сражавшая миллионы живых существ, оказалась бессильной перед лицом этого обесчещенного, оплеванного и казненного Праведника. Он добровольно отдал Себя во власть этой грозной, разрушительной стихии и победил ее. Он искупил вековое проклятие, тяготевшее над человечеством.

Ученики еще не совсем понимали смысл того, что произошло, но они убедились, что Учитель жив, и это наполнило ликованием их сердца. Его видели женщины, Петр, Он изъяснял Писание двум апостолам по дороге в Эммаус, Он предлагал Фоме вложить персты в Его раны, Он ел и пил перед ними.

И вот Он повелевает им идти в Галилею – туда, где Он провел детство и юность, туда, где в течение трех лет Он странствовал с ними, проповедуя Евангелие Царства. Здесь,

в этой стране, каждая гора, каждая тропинка, каждый камень на берегу озера напоминали им Учителя. У этих маленьких домиков до самого заката толпились больные, ожидая исцеления, сюда матери приносили своих детей, чтобы Он благословил их. В эти пустынные уголки удалялся Господь, чтобы наедине молиться Своему Отцу, у этих берегов качалась лодка Симона, с которой Он обращался к народу с поучением.

Теперь Иисус вновь и вновь является Своим ученикам. Они видят Его в голубой предрассветной дымке стоящим на берегу. Это не призрак, не видение: Он приготовил им пищу у костра, и они едят с Ним, как бывало в прежние дни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.